

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ
IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. И. АВДИЕВ (отв. редактор), *Д. И. ТИХОНОВ*, *В. И. БЕЛЯЕВ*

Л. С. ПУЧКОВСКИЙ

СОБРАНИЕ МОНГОЛЬСКИХ РУКОПИСЕЙ И КСИЛОГРАФОВ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Вопрос о том, когда и кем было начато собирание монгольских письменных материалов, представляет большой интерес для истории русского монголоведения. Однако, историю Собрания монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР можно проследить пока только в общих чертах, так как сведения, имеющиеся в литературе и архивных материалах, в ряде случаев оказываются недостаточными и неясными.

Востоковедение являлось одной из отраслей русской науки, успешно развивавшейся уже в XVIII в. Развитию русского востоковедения в большой степени способствовало усиление экономических и политических связей России со странами Ближнего и Дальнего Востока. Гениальный русский ученый М. В. Ломоносов, включивший в круг своих интересов едва ли не все основные области знания, уделял внимание и востоковедению. Он считал, что в Петербургском университете необходимо создать три факультета: юридический, медицинский и философский, и в числе профессоров философского факультета иметь профессора „древностей и ориентальных языков“.¹ Востоковедением, по мысли М. В. Ломоносова, следовало заниматься в Академии Наук или даже в особом востоковедном учреждении. Так широко этот вопрос М. В. Ломоносов ставил, имея в виду близость России к Азии. По его словам, „в академическом state о том (о профессорах восточных языков, — Л. П.) не упоминается, затем что тогда профессора ориентальных языков не было, хотя по соседству

¹ Архив АН СССР, ф. 3, оп. 1, № 829, л. 9 об.; ср.: Билярский. Материалы для биографии М. В. Ломоносова. СПб., 1865, стр. 426.

(с азиатскими странами, — Л. П.) не токмо профессору, но и целой ориентальной Академии быть полезно“.¹

Наряду с чисто практической задачей — обучением восточным языкам — возникали и научные интересы, которые получили выражение, прежде всего в работе по собиранию сведений о восточных странах и материалов на языках их народов.

Монгольские и тибетские рукописи и ксилографы, обнаруженные в развалинах монастыря Аблай-хит на Иртыше были доставлены в Петербург,² по всей вероятности, на основании указа Петра I от 13 февраля 1718 г. „О приносе родившихся уродов, а также найденных необыкновенных вещей“. Указ имел в виду „также какие старые подписи на каменьях, железе и меди... и прочее все, что зело старо и необыкновенно“.³ И. Бакмейстер сообщает, что указанные рукописи были присланы в 1720 г.,⁴ однако он не называет источников этой даты и не приводит других сведений об обстоятельствах, при которых эти материалы были найдены.

Необходимо отметить, что сообщение Б. Дорна „1720—1. Указ Петра Великого Сибирскому губернатору о передаче редких и достопримечательных предметов в Кунсткамеру“⁵ не имеет ссылок на источники и является неточным. В действительности, указы 1720 и 1721 гг., посланные в Сибирскую губернию, а также в Берг- и Мануфактур-коллегию, относились к вопросу о покупке золотых изделий, найденных при археологических раскопках.⁶

¹ Архив АН СССР, ф. 20, оп. 1, № 1, л. 172; ср.: Билярский, ук. соч., стр. 446.

² De scriptis tanguticis in Sibiria repertis, Commentatio Gerardi Friderici Mülleri, Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, t. X, 1747, стр. 420—468. (В этой работе „тангутскими“ названы тибетские рукописи).

³ Полное собрание законов Российской империи, т. V, 1830, № 13159, стр. 541—542 (в дальнейшем цитируется: Полн. собр. законов). Указ приведен у П. Пекарского: Наука и литература в России при Петре Великом, т. I. СПб., 1865, стр. 54.

⁴ Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санктпетербургской императорской Академии наук, изданный на французском языке Иоганном Бакмейстером, под-библиотекарем Академии Наук и на российской язык переведенный Васильем Костыговым, СПб., 1779. — Эта же дата приведена: В. Dorn. Das Asiatische Museum der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St.-Petersburg, 1846, стр. 2 (в дальнейшем цитируется: Б. Дорн); Н. В. Кюнер. Описание Тибета, ч. II, вып. 1, Владивосток, 1908, стр. 97—98.

⁵ Б. Дорн. Азиатский музей. В книге: Очерк истории музеев Академии Наук, СПб., 1865, стр. 81.

⁶ Указ 16 февраля 1721 г. „О покупке в Сибири курioзных вещей

Весьма вероятно, однако, что собиранию восточных, в том числе и монгольских рукописных материалов, в значительной степени содействовали указы: 1720 г. декабря 20 „О присылке из монастырей Российского государства жалованных грамот“¹ и 1722 г. февраля 16 „О присылке из всех епархий и монастырей древних рукописных летописей и подобных книг в Москву в Синод“.²

Поисками монгольских материалов занимался также Д. Г. Мессершмидт, которому, в числе многих других задач, было поручено также собирание монгольских, тунгусских³ и китайских рукописей.⁴ В дневнике этого путешественника сохранилась запись (20 мая 1724 г.) о том, что он поручил ламе Карабанди подыскание монгольских и других рукописей.⁵ Однако, как сообщает тот же автор, материалы, собранные этим ламой, „не стоили тех трудов, которые он затратил на их приобретение“ (запись 19 марта 1725 г.).⁶ Все же при своем возвращении из Сибири в 1728 г. Д. Г. Мессершмидт привез монгольские и тибетские материалы.⁷ Обнаружить их пока не удалось и о поступлении некоторых из них в Академию Наук имеется только одно, не совсем ясное, упоминание.⁸

Монгольскими и тибетскими материалами в развалинах Аблай-хита интересовался также П. С. Паллас. Сам он не посетил этого места, а командированный им Н. Соколов доставил ему только „истлевшие остатки рукописей, которые он смог извлечь из груд мусора в большом храме этого

и о присылке оных в Берг и Мануфактур Коллегию“ содержит также указ 1 сентября 1720 г. по этому же вопросу (Полн. собр. законов, т. VI, № 3788, стр. 357—358).

¹ Этим указом предписывалось „во епархиях и монастырях и соборах прежние жалованные грамоты и другие курioзные письма оригинальные, такожде и исторические рукописные и печатные книги пересмотреть и переписать губернаторам и вице-губернаторам и воеводам и те переписанные книги прислать в Сенат...“ (Полн. собр. законов, т. VI, № 3693, стр. 277).

² В Указе содержалось требование: „...древних лет рукописанные на хартиях и на бумаге церковные и гражданские летописцы, степенные, хронографы и прочие сим подобные ... взять в Москву в Синод и для известия оные списать и те списки оставить в библиотеке, а подлинные разослать в те же места, откуда будут взяты по прежнему...“ (Полн. собр. законов, т. VI, № 3908, стр. 511—512).

³ Ошибочно вместо „тангутских“, как в то время называли тибетские рукописи.

⁴ П. Пекарский, ук. соч., стр. 359.

⁵ Архив АН СССР, ф. 98, оп. 1, № 3, л. 122 об.

⁶ Там же, № 4, лл. 41 об.—42.

⁷ De scriptis tanguticis in Sibiria repertis..., стр. 453.

⁸ Архив АН СССР, ф. 21, оп. 1, № 3, л. 8 об.

монастыря“.¹ Относительно этих материалов И. Бакмейстер кратко сообщает, что „остаток сих писем [рукописей] собран был г. статским советником Миллером и профессором Палласом во время бытия их в Сибири“.²

Поступления всех этих материалов дали И. Бакмейстеру основание считать, что „Библиотека Академии Наук обильно снабдена тангутскими и монгольскими письмами“ [рукописями]. Однако, по его же словам, „за незнанием этих языков не имеем дальнейшего о них [рукописях] сведения“.³ Впоследствии с ними ознакомился И. Иериг, знавший монгольский язык и сам занимавшийся собиранием монгольских рукописей и ксилографов. Несомненно, что он мог более правильно определить ценность этих материалов, чем И. Бакмейстер. И. Иериг нашел, что „монгольская премудрость, о которой с такой похвалой отзывается И. Бакмейстер, представляет обрывки, которые стоит хранить разве лишь потому, что они уже хранятся“.⁴ И. Иериг привел их в порядок, насколько это было возможно, а затем „они должны были уступить место новым пришельцам“.⁵ Некоторые из них, повидимому наиболее хорошо сохранившиеся, вошли впоследствии в состав I коллекции Собрания монгольских рукописей по классификации „Каталога Зере“.⁶ „Новыми пришельцами“, по всей вероятности, явились монгольские рукописи и ксилографы, собранные для Академии Наук в течение нескольких лет И. Иеригом,⁷ который в 1789 г. составил список этих материалов. Они состояли из сочинений: тибетских (№№ 1—12); тибетских с монгольским переводом (№№ 13—24) и монголь-

¹ P. S. Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reiches, Zweiter Theil, zweites Buch, St.-Petersburg, 1773, стр. 551.

² Опыт о библиотеке..., стр. 87.

³ Там же, стр. 87—88.

⁴ Über die mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek. Journal von Russland, Dritter Jahrgang, Zweiter Band, St.-Petersburg, 1796, стр. 122.

⁵ Там же.

⁶ Под таким названием среди монголоведов известен анонимный „Список монгольским и калмыцким книгам и рукописям, хранящимся в Азиатском музее по хронологическому поступлению в состав библиотеки Азиатского музея. Март 1891 г.“. В дальнейшем в настоящей статье обозначение коллекций I—X дано согласно „Каталогу Зере“.

⁷ И. Иериг (? —1795), проживая среди волжских калмыков, самостоятельно научился их языку. В 1773—1774 гг. участвовал в экспедиции П. С. Палласа, который был обязан И. Иеригу многими сведениями по этнографии, религии, языку и отчасти истории монгольских народов России. В дальнейшем И. Иериг по поручению Академии Наук продолжал свои занятия и собирание материалов в различных областях монголоведения.

ских (№№ 25—163). В списках указаны их заглавия или же в нескольких словах изложено их содержание.¹ Кроме того, он упоминает о небольшом количестве разрозненных листов, не говоря ничего об их содержании.²

В дальнейшем монгольские рукописи и ксилографы в числе других материалов на восточных языках были переданы в Азиатский музей (первоначально называвшийся Восточным кабинетом), который был основан 11 ноября 1818 г. Об этом подробно сообщает Х. Д. Френ в своем предварительном отчете о состоянии Азиатского музея.³

Монгольские материалы, список которых был составлен И. Иеригом, образовали I коллекцию Собрания монгольских рукописей, согласно „Каталогу Зере“, где отмечено, что эти материалы „находились уже до него [И. Иерига] в тогдашнем Восточном отделении [?] Библиотеки Академии Наук или же были Иеригом пожертвованы; много списано им собственноручно“.⁴ При составлении „Каталога Зере“ был использован список И. Иерига. Это видно из того, что в „Каталоге“ в основном сохранено деление на отделы и нумерация, данные И. Иеригом: „А) Тиб.-Монгольские сочинения“ (№№ 13—24);⁵ „В) Монгольские сочинения“ (№№ 25—163)⁶ (ср. выше, стр. 93—94). Добавления из разрозненных листов, упомянутые И. Иеригом (ср. выше, стр. 94), в „Каталог“ не занесены. Вместо них имеются: „С) Дополнения к каталогу“ (№№ 1—7)⁷ и „Д) Книги, принадлежащие к этой коллекции, без нумерации“ (х 1—х 5).⁸

Повидимому, в первой четверти XIX в. были собраны те рукописи, которые составили II коллекцию Собрания монгольских рукописей. Это — „Коллекция большею частью ойратских мелких рукописей, приобретение которых относится к первым годам существования Аз. музея, но неизвестно к какому именно году и у кого они были куплены“.⁹ В эту коллекцию

¹ Verzeichniss des Inhaltes Mongolischer und Tübetischer theils gedruckter, theils geschriebener Bücher und Schriften... Gesammelt durch Iohannes Jährig... Über die Mongolischen Bücher der hiesigen akademischen Bibliothek, Journal von Russland, Dritter Jahrgang, Zweiter Band, St.-Petersburg, 1796, стр. 126—134.

² Там же, стр. 134.

³ Приведен: Б. Дорн, стр. 201—216; монгольские сочинения отмечены на стр. 202, 213 (ср. стр. 27).

⁴ Каталог Зере, стр. 1.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 1—12.

⁷ Там же, стр. 12—13.

⁸ Там же, стр. 13.

⁹ Там же, стр. 14.

входят: „А) Книги, номерация коих произведена А. В. Поповым“ (№№ 1—75) и „В) Книги, номерованные А. В. Поповым в 1849 г.“.¹

Согласно краткому обзору Азиатского музея, составленному Х. Д. Френом в 1829 г., среди восточных материалов имелось 180 единиц тибетских, монгольских и ойратских сочинений.²

В 1833 г. этих сочинений, по сообщению того же автора, имелось 207 единиц, из которых 27 поступили в том же году.³ В числе последних, возможно, находились „Книги, приобретенные через г. Фуса младшего в Пекине, в 1833 (?) году“.⁴ Эти материалы образовали III коллекцию Собрания монгольских рукописей; по списку, составленному И. Я. Шмидтом, она содержит №№ 1—18.⁵

В 1835 г. в Азиатский музей поступила I коллекция П. А. Шиллинга, состоявшая из 314 сочинений (свыше 2600 единиц хранения) на китайском, маньчжурском, тибетском, монгольском и других языках.⁶ В том же году И. Я. Шмидт дал обзор этой коллекции,⁷ отметив наиболее ценные монгольские сочинения.⁸ Число монгольских сочинений в этой коллекции очень невелико, всего 19. Они составили IV коллекцию Собрания монгольских рукописей.⁹

В том же году в состав Азиатского музея вошла коллекция Петра Каменского¹⁰ из 43 сочинений на тибетском и монгольском языках.¹¹ Монгольских сочинений в ней только 13. Они составляют V коллекцию Собрания монгольских рукописей.¹²

¹ Там же, стр. 14—21.

² Б. Дорн, стр. 385.

³ Там же, стр. 444.

⁴ Каталог Зере, стр. 21.

⁵ Там же, стр. 21—23.

⁶ Б. Дорн, стр. 68—69.

⁷ Там же, стр. 469—487.

⁸ Там же, стр. 485—487.

⁹ Каталог Зере, стр. 24—26. У Б. Дорна указано общее число тибетских и монгольских сочинений — 39 (Б. Дорн, стр. 474).

¹⁰ Петр Каменский (род. в 1765 г.) в качестве студента восьмой духовной миссии отправился в 1794 г. в Пекин, где занимался маньчжурским и китайским языками. Вернувшись в 1809 г. в Петербург, служил переводчиком в иностранной коллегии. С 1820 по 1830 г. был начальником десятой духовной миссии в Пекине. Ревностно проводил политику Синода и царского министерства иностранных дел.

¹¹ Б. Дорн, стр. 69.

¹² Каталог Зере, стр. 26—28. По списку, составленному И. Я. Шмидтом, коллекция содержит №№ 1—27. Однако №№ 1—12 представляют несколько томов одного сочинения, а №№ 13—16 — тома другого сочинения. Таким образом, названий сочинений оказывается только 13.

В 1838 г. в Азиатский музей была передана II коллекция П. А. Шиллинга (после его смерти в 1837 г.). По словам Б. Дорна, она была не менее значительна, чем его I коллекция.¹ Свою II коллекцию П. А. Шиллинг купил у А. В. Игумнова,² который имел „огромную монгольскую библиотеку“.³ Собственноручные пометки А. В. Игумнова имеются на нескольких рукописях и ксилографах этой коллекции, например: „Получена 1800 года. От Цонгольских капищей через брата Петра Васильевича Игумнова“;⁴ „Напечатана при Чикойских Цонгольских монгольско-бурятских кумирнях при мне деревянным стереотипом, вырезанным из... [?] 18. 7. V. 29.“⁵ и т. д. Предварительный список тибетских и монгольских сочинений этой коллекции был составлен И. Я. Шмидтом.⁶ Монгольские сочинения коллекции А. В. Игумнова образовали VI коллекцию Собрании монгольских рукописей. Согласно „Каталогу Зере“, она содержит 166 единиц хранения, однако число названий несколько меньше этой цифры, ввиду того что в ней имеются сочинения в нескольких томах, а также ряд дублетов.⁷

В 1840 г. в Азиатский музей в числе тибетских сочинений поступило одно монгольское. Согласно „Каталогу Зере“, это — „Книга, купленная за счет Аз. музея в 1840 г. в Пекине В. П. Васильевым“.⁸

В 1847 г. поступили монгольские материалы, которые в „Каталоге Зере“ обозначены как „Книги, приобретенные

¹ Б. Дорн, стр. 85.

² Александр Васильевич Игумнов (1761—1834) — один из первых русских монголоведов. Служил толмачом в кяхтинской пограничной канцелярии. Сопровождал в качестве переводчика седьмую духовную миссию в Пекин в 1781 г. и посольство графа Головкина до Урги в 1805 г. С 1822 г. до конца своей жизни служил переводчиком в Иркутске и преподавал монгольский язык в Иркутской духовной семинарии. А. В. Игумнов составил большой монгольско-русский словарь и работал над составлением монгольской грамматики. Эти работы, к сожалению, не сохранились. Из многочисленных переводов, статей и заметок А. В. Игумнова были напечатаны только работы: 1) „О нынешнем состоянии Монголии“ (Сибирский вестник, 1819, ч. V, стр. 1—44) и 2) „О происхождении писмен монгольских“ (Казанские известия, 1816, № 21 стр. 116—117).

³ Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске, по 15 число ноября 1828 года, Казанский вестник, кн. II и III, 1828, стр. 122, 137—139. — Н. Шукин. А. В. Игумнов. Сын отечества и Северный архив, т. II, СПб., 1839, отд. III, стр. 94—95.

⁴ Собрание монгольских рукописей, С 246.

⁵ Там же, С 79; см. также С 57, С 59 и др.

⁶ Б. Дорн, стр. 113.

⁷ Каталог Зере, стр. 28—43.

⁸ Там же, стр. 43.

для библиотеки Аз. музея от наследников акад. Шмидта“ (№№ 1—47). Они составили VIII коллекцию Собрания монгольских рукописей.¹

В 1863—1865 гг., по сведениям Б. Дорна, в Азиатском музее имелось 390 монгольских, а также 562 тибетских, тибетско-монгольских и других рукописей и ксилографов.² Эти весьма краткие и общие данные показывают, что собрание монгольских рукописей в то время еще не было образовано. Установить в этом отношении какую-либо точную дату, повидимому, не представляется возможным.

В 1864 г. Азиатский департамент Министерства иностранных дел передал Азиатскому музею большое собрание восточных материалов. Первоначальный состав этого собрания был известен по печатному каталогу, в котором монгольские сочинения помещены под №№ 457—499.³ Под теми же номерами эти сочинения вошли в состав IX коллекции Собрания монгольских рукописей и значатся в „Каталоге Зере“ как „Сочинения по [печатному] каталогу“.⁴

В дальнейшем собрание восточных материалов, в том числе и монгольских, в Азиатском департаменте было значительно пополнено.⁵ Эти добавления также были переданы в Азиатский музей, причем монгольские материалы были включены в собрание монгольских рукописей. В „Каталоге Зере“ они обозначены: „Сочинения по Прибавлению к [печатному] Каталогу“ (№№ 1008—1036а)⁶ и „Дополнения к [печатному] Каталогу“ (№№ 6—10 и 31).⁷

О времени поступления в Азиатский музей X коллекции собрания монгольских рукописей в „Каталоге Зере“ ничего не сказано. Отмечено только, что эту коллекцию составляют „Книги, принадлежность которых к одной из вышеозначенных коллекций определить не удалось“. Эта коллекция содержит №№ 1—23.⁸

¹ Там же, стр. 84—89.

² Б. А. Дорн. Азиатский музей. В книге: Очерк истории музеев Академии Наук, стр. 78.

³ [Составленный Аввакумом Честным] Каталог книгам, рукописям и картам на китайском, маньчжурском, монгольском, тибетском и санскритском языках, находящимся в Библиотеке Азиатского департамента, СПб., 1843, стр. 76—82; то же, СПб., 1844, отд. III, стр. 1—4.

⁴ Каталог Зере, стр. 49—54.

⁵ B. Dorn. Die Bereicherungen des Asiatischen Museums im J. 1864. *Mélanges Asiatiques, tirés du Bulletin de l'Académie Imperiale des Sciences de St.-Petersbourg*, t. V, 1868, стр. 370.

⁶ Каталог Зере, стр. 55—58.

⁷ Там же, стр. 58.

⁸ Там же, стр. 59—62.

Не представляется пока возможным с точностью установить время поступления в Азиатский музей и некоторых других коллекций, вошедших впоследствии в Собрание монгольских рукописей, например коллекции б. Казанской духовной академии (КДА) (№№ 1—453). Можно предположить, что эта коллекция поступила в Азиатский музей во второй половине XIX в., после того как преподавание восточных языков было перенесено из Казанского университета в Петербургский, где в 1855 г. открылся Восточный факультет. Туда же из Казани были переданы восточные материалы (в том числе и монгольские) за время с сентября 1855 г. по март 1857 г.¹

Не имеется также определенных сведений о том, когда в Азиатский музей поступила коллекция А. М. Позднеева (содержит №№ 1—401). Можно полагать, что это произошло в самом конце XIX в. после возвращения А. М. Позднеева из его последнего путешествия по Монголии в 1892—1893 гг.

Повидимому, к началу XX в. относится поступление в Азиатский музей коллекции (№№ 1—48) К. Ф. Голстунского, скончавшегося в 1899 г.

С начала XX в. в Азиатский музей стали поступать коллекции Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии: I коллекция (№№ 1—17), собранная в 1903 г., поступила в 1904 г.² II коллекция (№№ 1—63) была собрана в 1904 г., поступила в 1905 г.³ Согласно инвентарным записям, III коллекция (№№ 1—131) поступила в 1911 г.; IV (№№ 1—9) — в 1914 г.

Коллекции Б. Я. Владимирцова поступали в такой последовательности: I коллекция (№№ 1—36) — в 1914 г.,⁴ II (№№ 1—43) — в 1915 г., III (№№ 1—11) — в 1925 г., IV (№№ 1—23) — в 1929 г. и V (№№ 1—16) — в 1927 г. (?).

За время с 1925 по 1937 г. была составлена коллекция „Mongolica nova“ (№№ 1—498). В ней были объединены единичные рукописи и ксилографы, поступившие от разных лиц и (в отдельных случаях) — от научных учреждений.

¹ Материалы для истории факультета восточных языков, т. IV. Обзор деятельности факультета 1855—1905 гг., составленный В. В. Бартольд, СПб., 1909, стр. 100—102.

² Протокол Историко-филологического отделения Академии Наук от 8 декабря 1904 г., § 323.

³ То же, от 16 февраля 1905 г., § 58.

⁴ Список ее см.: Отчет Б. Владимирцова о командировке к байтам Кобдоского округа. Известия Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, сер. II, № 1, СПб., 1912, стр. 103—104.

Перечисленные выше коллекции содержат, главным образом, монгольские рукописи и ксилографы. Бурят-монгольские материалы находятся большею частью в I и II коллекциях Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии, в I (№№ 1—59) и II (№№ 1—86) Бурят-монгольских коллекциях 1935 г., в коллекции С. Д. Дылыкова (№№ 1—81), поступившей в 1936 г., и коллекции Д. А. Алексеева (№№ 1—28) — последней по времени поступления (1948 г.). Коллекции Собрания монгольских рукописей по своему содержанию очень разнообразны. Это определялось, главным образом, интересами собирателей этих материалов, а также тем, что в течение XVIII и XIX вв. в Монголии самой распространенной и потому наиболее доступной для приобретения была буддийская литература. По этим причинам буддийские сочинения составили значительную часть нескольких коллекций Собрания монгольских рукописей, в особенности — коллекций I—X. Однако в составе их имеются также исторические сочинения, бурятские Уложения, сочинения по медицине, астрономии и т. п. Например, в коллекции КДА среди большого числа буддийских сочинений есть сочинения по истории; несколько документов, относящихся к пограничным делам первой половины XVIII в.; собрание писем, адресованных О. М. Ковалевскому; грамматические сочинения, словари и т. п.

В коллекцию А. М. Позднеева, кроме многочисленных буддийских сочинений, вошли монгольские и ойратские исторические сочинения, материалы по монгольскому, ойратскому и бурятскому фольклору, собрание писем (конца XIX в.) нескольких князей Внутренней и Внешней Монголии об уплате долгов, образцы служебных бумаг и пр.

В небольшой коллекции К. Ф. Голстунского содержатся сочинения по истории ойратов, памятники их законодательства и фольклорные материалы. Около половины этой коллекции составляли небольшие статьи К. Ф. Голстунского и выполненные под его руководством студенческие работы (переводы с примечаниями и т. п.). Все эти материалы переданы в Архив Института востоковедения Академии Наук СССР.

I коллекция Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии состоит, главным образом, из материалов по бурятскому и монгольскому фольклору, а также из небольших сочинений, относящихся к шаманским верованиям и обрядам, на которые оказал большое влияние ламаизм.

Во II коллекции самыми ценными рукописями являются сочинения по истории хоринских бурят, составленные В. Юмсуновым, Ш. Хобитуевым и Т. Тобоевым.

III коллекция, привезенная из Ордоса, является наиболее ценной из этих коллекций. В ней содержится несколько монгольских летописей, а также небольших сочинений по истории монголов. Кроме того, имеется много материалов по фольклору (загадки, пословицы, поговорки), материалы по эпосу, по шаманству и т. п. В IV коллекции следует отметить сочинения по истории распространения буддизма в Монголии и переводы на монгольский язык китайских романов.

В коллекциях Б. Я. Владимирцова наиболее ценными являются памятники монгольско-ойратского героического эпоса, ойратские записи некоторых глав эпоса „Гэсэр“ и несколько монгольских переводов китайских исторических романов.

Коллекция „Mongolica nova“ очень разнообразна по содержанию: ее составляют монгольские, бурятские и ойратские исторические сочинения, сборники административных распоряжений, образцы служебных переписок, удостоверений, проездных документов; письма частных лиц, фольклорные материалы, отдельные главы „Гэсэра“; сборники гаданий, предсказаний и т. д.

I Бурят-монгольская коллекция 1935 г. содержит несколько сочинений и заметок по истории хоринских бурят, их родословные, списки бурят-монгольского Уложения 1823 г. и т. п. В ней имеются и материалы новейшего времени, например „Собрание различных документов по вопросам мобилизации в 1919 г.“.

Во II Бурят-монгольской коллекции 1935 г. содержатся главным образом материалы по этнографии и фольклору бурят-монголов: описания свадебных, новогодних и других обычаев; записи песен, загадок; сборники примет, предсказаний, гаданий и т. п.

В коллекции С. Д. Дылыкова также имеются различные сочинения и материалы по истории хоринских бурят, сборники степных законов.

В коллекции Д. А. Алексеева наиболее ценными материалами являются бурятские родословные и фольклорные записи.

Из этого краткого обзора коллекций Собрания монгольских рукописей можно видеть, что в различных его коллекциях находятся сочинения и материалы одинакового характера. Поэтому представляется целесообразным объединить их тематически и указать на те рукописи и ксилографы, которые содержат наиболее ценные сведения по истории монголов, бурят-монголов и ойратов, их законодательству, эпосу, фольклору, этнографии, истории культуры.

Историческими сочинениями интересовалось большинство собирателей монгольских материалов и они имеются почти во всех коллекциях нашего Собрания. Наиболее ранние памятники монгольской феодальной историографии, дошедшие до нас, относятся к XVII в. В нашем Собрании они представлены в списках XVIII и XIX вв.¹

Из этих сочинений следует прежде всего назвать „Хад-ун-ундусун-у эрдэни-ин тобчи“, т. е. „Драгоценный свод сведений о происхождении ханов“. Это сочинение у востоковедов более известно под именем его автора — Саган Сэцэна. Основной список состоит из четырех небольших тетрадей. На титульных листах II, III и IV тетрадей имеется заглавие „Монгол хад-ун туджи“, т. е. „История монгольских ханов“ и надписи (почерком XVIII в.) „Из книг Новоселова“.

Еще О. М. Ковалевский старался „отыскать... Летопись Сэнэна и приобрести ее для Казанской библиотеки... в силу Инструкции, данной от Университетского совета...“.² Однако он узнал от А. В. Игумнова, что список „Летописи Сэнэна“ в 4 тетрадях, купленный в Пекине между 1795—1807 гг. Василием Новоселовым,³ от него в 1816 г. в числе других книг получили буряты, вызванные в Петербург для переводческих работ под руководством И. Я. Шмидта. По сообщению О. М. Ковалевского, „г. Шмидт завладел бурятскими книгами, а между прочими и Сэнэновой Летописью“.⁴ По другим сведениям подлинник сочинения (т. е. данная рукопись) был привезен к бурятам в 1808 г. проживавшим в Пекине учеником школы Российской духовной миссии Василием Новоселовым, и в 1814 г. увезен в Петербург зайсанами хоринских бурят Номту Утаевым и Бадма Моршуновым. У них он был „отобран неким по прозванию Исак Якуб Симида“.⁵

¹ Содержание и характеристика наиболее значительных из них в статье: Л. С. Пучковский. Монгольская феодальная историография XIII—XVII вв. Ученые записки Института востоковедения АН СССР, т. VI, М.—Л., 1953, стр. 131—166.

² О. М. Ковалевский. Извлечение из дневных записок, веденных кандидатом Ковалевским в Иркутске по 15 число ноября 1828 г. Казанский вестник, т. XXV, кн. II и III, февр. и март 1889, стр. 138. В дальнейшем цитируется: О. М. Ковалевский.

³ Василий Новоселов, будучи студентом восьмой духовной миссии, находился в 1794—1808 гг. в Пекине, где сделал большие успехи в изучении маньчжурского и китайского языков. Вернувшись из Пекина, служил переводчиком маньчжурского языка в Иркутске. В 1828 г. О. М. Ковалевский уже не застал его в живых.

⁴ О. М. Ковалевский, стр. 138—139.

⁵ Перевод монгольской надписи на внутренней стороне обложки копии данного списка. Собрание монгольских рукописей, I 42.

Следует еще отметить, что, повидимому, в то время, когда эта рукопись находилась у бурят, с нее был сделан первый русский перевод неким Татауровым еще до ее издания И. Я. Шмидтом.¹ Перевод нескольких отрывков из труда Саган Сэцэна был опубликован И. Я. Шмидтом в 1818 г. в связи с вопросом о происхождении монгольского языка и письменности.² В 1829 г. тот же автор издал полный текст этого списка с переводом и обширными комментариями;³ при этом И. Я. Шмидт по своему усмотрению разделил сочинение на десять отделов, чего нет в подлиннике; в то же время деление рукописи на четыре тетради им не было отражено в издании. Данный список в 1847 г. в числе других монгольских материалов был приобретен Академией Наук от наследников И. Я. Шмидта.⁴

Другим списком этого сочинения является его бурятская копия. Из сличения этих двух списков видно, что копия воспроизводит все погрешности подлинника. Если принять во внимание сообщение О. М. Ковалевского о том, что А. В. Игумнов „рукописную летопись Сэнэна в 4 тетрадях со всевозможной точностью списал для себя, сохраняя даже самые непростительные и явные ошибки оной...“, то следует полагать, что данный список и есть „под личным наблюдением г. Игумнова переписанная... Летопись [Саган Сэцэна]“.⁵ Этот список вместе с другими рукописями и ксилографами, имевшимися у А. В. Игумнова, был приобретен П. Л. Шиллингом, а затем в составе его II коллекции был передан в Азиатский музей.⁶

Еще один список этого сочинения, привезенный из Ордоса, озаглавлен „Хаган-у шара дэбтэр“, т. е. „Императорская

¹ „Выписки из Монгольской истории, сочиненной Сыцын Санани Тайджею“, помещенные Г. Спасским в „Азиатском Вестнике“ за 1825 г. (январь—июнь, стр. 381—390; июль—декабрь, стр. 356—364). То, что Татауров пользовался именно данным списком, видно из примечания Г. Спасского: „... г. Шмидт переводит сию Историю. Подлинник сей Истории писан на монгольском языке и называется Монгол Хадон Тагуджи. Он разделен на четыре небольшие книги“ (там же, стр. 381). О Татаурове Г. Спасский, к сожалению, не сообщает никаких сведений.

² I. J. Schmidt. Einwürfе gegen die Hypothesen des Herrn Hofr. Klaproth „Ueber die Sprache und Schrift der Mongolen“. Fundgruben des Orients, VI, Wien, 1818, стр. 321—338.

³ I. J. Schmidt. Geschichte der Ost-Mongolen und ihres Fürstenhauses, verfasst von Ssanang Ssetsen Chungtaidschi der Ordus. St.-Petersburg, 1829.

⁴ Каталог Зере, № 38, стр. 48.

⁵ О. М. Ковалевский, стр. 138.

⁶ Каталог Зере, № 109, стр. 37.

желтая книга". Он содержит некоторые дополнения, в частности, в конце его вместо колофона имеется сообщение о событиях 1662 г., между тем как первый из названных выше списков доведен до 1651 г.

Кроме этих полных списков труда Саган Сэцэна, есть еще фрагментарные списки, остававшиеся до настоящего времени неизвестными. Один из них (F 212), без заглавия, содержит только историю индийских и тибетских царей. Она изложена несколько более подробно, чем в списке, привезенном В. Новоселовым.

Еще один список передает (в переложении на ойратский язык) сведения о предках Чингис-хана, а затем его историю до восшествия на престол. Этот список занимает несколько страниц в одной рукописи (E 79), которая представляет собою собрание выписок из различных литературных произведений.

К наиболее ценным материалам Монгольского фонда относятся также списки летописи, известной в научном обиходе под сокращенным названием „Алтан тобчи“, т. е. „Золотой свод“.¹

Как сообщает П. С. Савельев, эта летопись „отыскана членами нашей духовной миссии в Пекине и привезена в Россию в двух списках: один находится в библиотеке Азиатского департамента Министерства иностранных дел, другой у профессора О. М. Ковалевского в Казани“.²

Первый из указанных списков в составе коллекции Азиатского департамента был передан Азиатскому музею в 1864 г. На этом списке имеется надпись: „пр.[инадлежит] Б[иблиотеке] А[зиатского] Д[епартамента]“ и пометка „1017“, — по видимому, номер, под которым этот список находился в этой библиотеке. Под этим же номером этот список помещен в „Каталоге Зере“ в составе IX коллекции.³ Сообщая о том, что „ученый Дорджи Банзаров, так рано похищенный у науки, намеревался издать эту летопись...“, П. С. Савельев отметил: „Труд этот совершен теперь... Галсаном Гомбоевым“⁴ по рукописи, принадлежащей ныне библиотеке Азиатского Департамента ... и благосклонно доставленной этим депар-

¹ Полное заглавие ее „Хад-ун-ундусун-у хуриянгуй алтан тобчи нэрэту судур“, т. е. „Сочинение под названием «Золотой свод» — собрание [сведений] о происхождении ханов“.

² Алтан тобчи. Монгольская летопись... Труды Вост. отдел. Русск. археол. общ., ч. VI, СПб., 1858, стр. V—VI.

³ Каталог Зере, стр. 56.

⁴ Алтан тобчи, стр. VII.

таментом Археологическому обществу для издания“.¹ Таким образом, этот список (G 26) является оригиналом известного издания „Алтан тобчи“. В этом списке имеется целый ряд орфографических ошибок и описок. Некоторые из них были отмечены и отчасти исправлены издателем.² Другие же для него остались неясными, что в значительной степени отразилось на изданном тексте и на переводе.

На титульном листе другого списка этого сочинения (F 25) имеется надпись: „Пекин. Николая Вознесенского 1827-го года. Майя 28-го числа“, сделанная, по всей вероятности, собственноручно Н. И. Вознесенским.³ Можно полагать, что этот список был приобретен в Пекине О. М. Ковалевским во время его приезда туда в 1830 г., а от него перешел в библиотеку б. Казанской духовной академии, откуда поступил в Азиатский музей.⁴ Текст этого списка полностью совпадает с текстом предыдущего (повидимому, оба списка восходят к одному оригиналу), но в отношении орфографии значительно лучше его. Список „Алтан тобчи“ составляет большую часть (лл. 11а—147б) рукописи F 25. В ней содержатся и некоторые другие материалы. Все они написаны рукою Н. И. Вознесенского и, по всей вероятности, принадлежат ему.

1) „Перевод с книги Тин сюнь и янь, т. е. государя Кансия поучения к царевичам“, книга 2, поучения 1—9, 11, 12, 14—19 (лл. 1а—9б).

2) Очень краткий рассказ о восстании князя „Малой Бухарии“ Джангера в 1825—1828 гг. против маньчжурских войск, угнетавших местное население (лл. 148а—151а).

3) „Указы“ [поучения] Кан-си — под №№ — 60, 10, 61, 56, 13 (лл. 152а—154б).

Следующий список (F 12) этого сочинения (повидимому, копия первого списка) не имеет большой ценности, ввиду множества ошибок и описок.

¹ Алтан тобчи, стр. IX.

² Там же, стр. 113—116.

³ Николай Иванович Вознесенский был членом десятой духовной миссии (1820—1830 гг.) в Пекине, где занимался китайским, маньчжурским и тибетским языками, а кроме того, политической экономией Китая. Плодом этих занятий явилась работа „Замечания о Китае Н. Вознесенского“. В ней содержатся сведения о положении промышленности и торговли Китая, его учреждениях, нравах и т. п. По возвращении в Россию Н. И. Вознесенский служил переводчиком при таможене в Кяхте, где и умер.

⁴ Коллекция КДА, № 252.

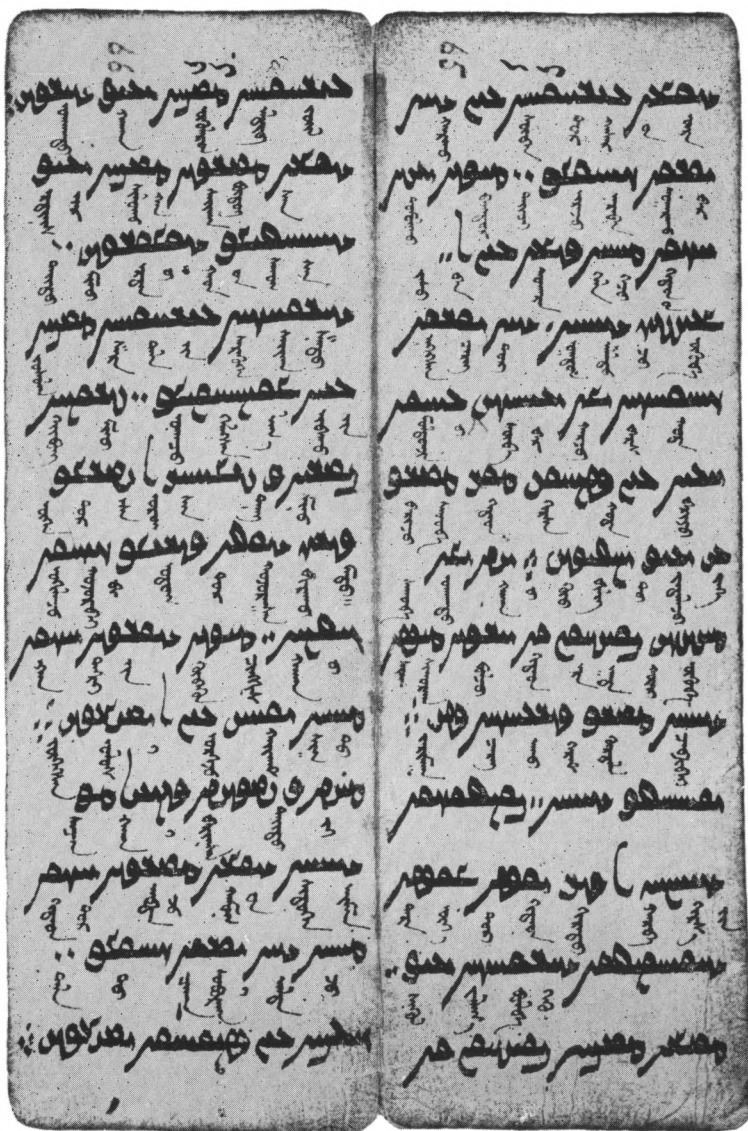

Рис. 1. Летопись „Шара туджи“ (В 200). Первая половина XVII в.
Между строк вписаны позднейшие дополнения.

Еще одна рукопись (F 24), озаглавленная (почерк И. Иерига) по-монгольски „Чингис-хаган-у туджи“, т. е. „История Чингис-хана“ (от его вступления на престол до смерти) оказалась выпиской из „Алтан тобчи“, что до настоящего времени оставалось неизвестным.

Неизвестной оставалась также „[Выписка] из третьего листа второй главы четвертой книги «Алтан Тобчи»“ — (F 125) небольшая рукопись (4 л.), в которой содержатся очень краткие данные о племенах, составляющих монгольские и ойратские тумэны, а затем приводятся легендарные сведения о происхождении некоторых ойратских племен и перечисляются их ханы от Чингиз-хана до ханов конца XVII, а в отдельных случаях даже до начала XVIII в. Все эти данные имеют много общего со сведениями о монгольских и (главным образом) об ойратских племенах и их ханах в соответствующем отделе летописи „Шара туджи“.

„Шара туджи“ („Желтая история“) является одним из наиболее значительных памятников монгольской феодальной историографии XVII в. В нашем Собрании она имеется в двух списках. Один (B 200) был привезен В. В. Радловым из Орхонской экспедиции 1891 г. В научный обиход это сочинение под названием „«История» В. В. Радлова“ или же „История Радлова“ было введено Б. Я. Владимирцовым, который неоднократно использовал его в своих работах.¹

Другой список этого сочинения (F 264) в значительной своей части (лл. 2а—366) дословно совпадает с первой частью предыдущего списка. В конце списка (лл. 366—416) приводятся сведения о потомках братьев и сыновей Чингис-хана, о монгольских и ойратских племенах, их ханах и т. п. Они изложены в другой последовательности и в отдельных случаях более кратко, чем в списке B 200. Поэтому данный список можно считать особой версией „Шара туджи“.²

К историческим трудам XVII в. относится также монгольский перевод маньчжурской версии „Юань-ши“, выполненный в 1639—1640 гг. Полный список этого перевода, озаглавленный „Дай Юань улус-ун бичик“, т. е. „Книга великой Юаньской династии“, (F 309) является копией, снятой в Ордосе, и состоит из 15 тетрадей по 40 в среднем листов, разм. 26×26 см. Другой, менее полный, список (G 45) под загла-

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 15, 16, 131, 158, 167; он же. Надписи на скалах халхаского Цокту-тайджи. Известия Академии Наук СССР, 1926, стр. 1270—1272. Цитируется: Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах.

² Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах..., стр. 1270.

нием „Юань улус-ун бичик“, т. е. „Книга Юаньской династии“, содержит 6 тетрадей по 30 листов, разм. 33×22 см. Переписывание его было закончено в 1831 г.

В Собрании монгольских рукописей имеется еще одна история Юаньской династии (F 238). В начале ее помещена очень краткая история индийских и тибетских царей и родословная предков Чингис-хана до Добо-Мэргэна (стр. 1). Как отмечено в тексте, эти сведения являются выпиской из „Алтан тобчи“. Ее редакция совсем иная, чем наших списков этого сочинения и „Алтан тобчи“ Лубсан Дандзана (Монг. фонд, фото В 90). После перечисления предков Чингис-хана и его истории (стр. 2—5) следует история юаньских императоров до Тогон Тэмура (стр. 5—30). Затем перечисляются монгольские ханы до Даян-хана и его сыновей. Очень подробно говорится об их потомках, от которых произошли князья ряда хошунов Внутренней Монголии, в том числе и семи хошунов Ордоса (стр. 30—32). Автором сочинения, по всей вероятности, является один из ордосских князей. Относительно даты написания этого сочинения имеются только косвенные указания: отмечено, что в 7 году правления Эйэбэр-дзасагчи [кит. Шунь-чжи, 1650 г.] в маньчжурское подданство перешел один из князей, после чего перечислены его сыновья и внуки. Можно полагать, что сочинение было написано в первой половине XVIII в. Наш список представляет копию, снятую в Ордосе (16 листов очень мелкого почерка, разм. 27×21 см).

Другое историческое сочинение XVIII в. озаглавлено „Ганга-ин урусхал“, т. е. „Течение Ганга“¹ (F 294, 30 л., разм. 26—24 см). В этом небольшом историко-генеалогическом сочинении представлена подробная родословная основной линии монгольских ханов от Добо-Мэргэна (одного из предков Чингис-хана) до Лэгдэн-хана. При этом потомки первых преемников Чингис-хана Хубилая и других юаньских императоров перечислены значительно более подробно, чем в труде Саган Сэцэна и других летописях XVII в. Сведения же о потомках Джочи и Чагадая и о составе их улусов в очень малой степени соответствуют исторической действительности. Далее следует краткая история монгольских ханов от Биликту-хана до Лэгдэн-хана и перечисление потомков Иесугэя, Джочи, Чагадая и Хубилая, правивших уделами в Китае. В дальнейшем показано происхождение нойонов

¹ Это заглавие выражает основную мысль сочинения о том, что преемственность происхождения монгольских нойонов от монгольских ханов, далее — от тибетских царей и, в конечном счете, от царей Индии — непрерывна, как течение Ганга.

Внутренней Монголии от представителей основной линии монгольских ханов, например, чахарских нойонов от Лэгдэн-хана, ордосских — от третьего сына Даян-хана и т. п. Сообщаются также сведения о племенах, входящих в состав шести монгольских и четырех ойратских сотысячных корпусов („туг тумэн“) о так называемых „пяти цветных“ и „четырех чуждых“ народах и т. д. В колофоне указаны: автор сочинения — Гомбоджаб; дата написания — третий год правления Найралту-туб (кит. Юн-чжэн, 1725 г.) и источники — „«Основное сочинение о великой Юаньской династии» (Юань-ши?), «[Тун-цзянь]-ган-му» и некоторые другие монгольские и китайские летописи и исторические сочинения“.

Повествовательное изложение в этом сочинении почти совершенно отсутствует, что придает ему характер справочника.

Особого внимания в этом труде заслуживают некоторые данные по истории общественного строя монголов — о феодальных войнах, об уделах, о монгольских и ойратских племенах и т. п. Весьма ценными являются также определения некоторых монгольских феодальных терминов, которые автор дает в сопоставлении с китайскими. Большинство этих данных было использовано Б. Я. Владимирцовым,¹ пользовавшимся также и некоторыми другими сведениями из этого сочинения.²

Некоторые данные „Ганга-ин урусхал“ были использованы в сочинении „Алтан хурдун минган хэгэсүтү“, т. е. „Золотое колесо с тысячью спиц“³ (F 542, пять бзней (тетрадей) в одном тао (переплете), разм. 25×25 см).

В первой тетради (15 л.) содержится буддийская космология, а затем история индийских и тибетских царей и предков Чингиса от Буртэ-чино до Иесугэй-багатура; во второй (13 л.) — история Чингис-хана; в третьей (34 л.) — сведения о сыновьях Чингис-хана; краткое упоминание о Тулуе; некоторые данные об улусах и потомках Джочи и Чагадай (ср. выше, стр. 106), после чего следует история монгольских хаганов и ханов от Угэдэя до Лэгдэн-хана; в четвертой (27 л.) — очень подробные родословные потомков десяти сыновей Даян-хана; в пятой (29 л.) сведения о потомках младших братьев

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 144, 152; он же. Монгольское *ongniyud* — феодальный термин и племенное название. Доклады АН СССР, 1930, стр. 219—223.

² Б. Я. Владимирцов. Где пять халхаских поколений? Доклады АН СССР, 1930, стр. 203.

³ Это название является одним из образов буддийской символики.

Чингис-хана, ставших князьями и нойонами в провинциях Дайцинского государства („Дайцин улус-ун муджи-ин ван нояд болоксан“...), а затем другие сведения о так называемых „пяти цветных“ и „четырёх чуждых“ народах, о племенном составе десяти туманов; о происхождении некоторых ойратских племен, родословные их князей и т. п.

Большой интерес представляет то, что во многих местах текста сочинения приводятся (мелким почерком между строками) дополнительные сведения, которые, как отмечается там же, имеются в некоторых сочинениях („дзарим бичик тур“). Иногда даже указывается, что эти данные содержатся в китайских сочинениях („китад бичик тур“). Однако заглавия источников нигде не указываются. В конце сочинения отмечены: дата его написания — 1739 г. и автор — Ширэту-гуши Дхарма.

Выдержки из этого сочинения приведены в ряде мест большого исторического труда „Дай юань болор эрихэ“, т. е. „Хрустальные четки [событий] великой Юаньской династии“, более известного под сокращенным названием „Болор эрихэ“. Как указывает автор, он использовал также „записанные у нас, монголов, [исторические] сочинения“ (из них названа только „История царей — сочинение джарутского Гэлэг-норбо“) и несколько китайских — „Юань-ши“, „Тун-цзянь-ган-му“, „Сюй-бянь“ (дополнения к предыдущему) и другие, — а также буддийских сочинений. В кратком предисловии автор приводит названия пяти отделов сочинения. Однако названия эти неточны и в должной мере не раскрывают содержания сочинения. Поэтому ниже дано краткое изложение содержания каждого отдела.

I. Происхождение монгольского народа по монгольским и китайским источникам. II. Индийские и тибетские цари, от которых произошел род монгольских ханов. Предки Чингис-хана от Буртэ-чино до Иесугэй-багатура. III. Чингис-хан. Угэдэй. Междоусобица после его смерти. Гуюк. Смуты после кончины Гуюка. Мункэ. Хубилай и другие юаньские императоры до Тогон Тэмюра. Легенда об императоре Юн-лэ как сыне Тогон Тэмюра. IV. Монгольские ханы от Биликту-хана до Лэгдэн-хана. Переход его сына Эдзэй-хонгор-тайджи в маньчжурское подданство. V. Родословные нойонов некоторых хошунов Внутренней Монголии. Тумэтский Алтан-хан и его потомки. Потомки Барсу Болода и Арсу Болода — сыновей Даян-хана.

Колофон во всех имеющихся у нас списках отсутствует. Имя автора — Рашипунцуг — устанавливается из того, что оно встречается во многих местах сочинения, где автор, приводя

выдержки из источников, высказывает свое мнение о них, а также относительно некоторых вопросов истории монгольских ханов и т. п.

На время написания сочинения указывает то, что в одном из использованных источников упоминается 35-й год правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (кит. Цянь-лун, 1770 г.). Поэтому следует полагать, что оно было написано в последней четверти XVIII в. Сочинение имеется в Собрании монгольских рукописей в трех списках. Один из них (F 511) — дар Комитета наук Монгольской Народной Республики — состоит из десяти тетрадей по 65—75 лл., разм. 26×27 см; другому списку (F 541) переписчик дал ошибочное заглавие „Эрдэни-ин эрихэ“, которое повторяется на нескольких тетрадях; в нем 18 тетрадей по 25—30 лл.; разм. 29×21 см; третий список (F 540) озаглавлен „Юань улус-ун бичик“, т. е. „Книга Юаньской династии“. Он состоит из 20 бэней, по 45—50 листов, помещенных в 4 тао, разм. 25×12 см.

В Собрании монгольских рукописей представлены также памятники монгольской феодальной историографии XIX в. Наиболее ценный из них „Болор толи“, т. е. „Хрустальное зеркало“, состоит из трех томов, разм. 25×23 см.

Первый том разделен на две тетради. В первой содержится буддийская космология; история первых людей на земле и „чакравартин-хаганов“ („всемирных монархов“); биография Шакьямуни и история распространения буддизма в Индии после его смерти (99 лл.). Содержание второй тетради: история буддизма в Индии и индийских царей; биографии проповедников буддизма (91 лл.).

Второй том содержит: географическое описание Китая и историю его императоров с древнейших времен до завоеваний Чингис-хана; географию Тибета и историю его царей в связи с историей буддизма; биографии буддийских деятелей — Дзонхавы и др. (116 лл.).

В начале третьего тома (156 лл.) сообщаются краткие данные об административном устройстве Внутренней и Внешней Монголии. Затем следуют описания ряда стран, в том числе и России (Орос), которые содержат главным образом фантастические сведения. За ними идет описание мифической страны Шамбала и история ее легендарных царей. Затем перечисляются индийские и тибетские цари, которые представлены как предки Чингис-хана, и другие его предки от Буртэ-чино до Иесугэй-багатура. Далее излагаются: история Чингис-хана и его ближайших преемников, краткая история юаньских императоров до Тогон Тэмүра и монгольских ханов до Лэгдэн-

хана; история распространения буддизма в Монголии и Китае, история императоров Цинской династии до 1 года правления Туру-гэрэлту (кит. Дао-гуан, 1821 г.). Особый интерес в этом сочинении представляют сведения о переходе монгольских князей в маньчжурское подданство в 1624—1635 гг., а также о восстаниях Ли-цзы-чэна и Амурсаны. Следует еще отметить, что многие исторические события и лица оцениваются автором с точки зрения интересов маньчжурской династии.

В колофоне приведен ряд источников, из которых следует особо отметить „Алтан тобчи“ (уратского) Мэрген-гэгэна и „Шара дэбтэр“, возможно — один из списков труда Саган Сэцэна (см. выше, стр. 102—103).

Автор сочинения не указан. Относительно времени, когда оно было написано, следует заметить, что кроме отмеченной даты (1 год правления Дао-гуана — 1821 г.) упоминается и 7 год его правления (1827 г.). Кроме того, автор указывает, что сочинение было написано им, начиная с года коня до года курицы. Ближайшими датами являются: для года коня — 1834 г. и для года курицы — 1837 г. Таким образом, можно полагать, что сочинение было написано за время с 1834 по 1837 г.

Некоторые сведения о происхождении данного списка и об его содержании сообщил А. Д. Руднев.¹ Этот автор передает содержание сочинения, повидимому, только по его оглавлению, которое не дает полного представления о действительном содержании сочинения.

Кроме полного экземпляра „Болор толи“ в Собрании монгольских рукописей имеется еще несколько выписок из этого сочинения. Одна (F 159) небольшая (10 л.) и две более значительные: F 100 (112 л.) и F 141 (101 л.). Еще одна (F 255) содержит вторую часть первой книги, вторую книгу, а также сокращенное изложение третьей книги. Таким образом, в этой объемистой рукописи (232 л.) представлено почти все сочинение. Наличие выписок свидетельствует о большом интересе, который вызывало это сочинение в среде монгольской феодальной аристократии.² Сочинение было использовано Б. Я. Владимирцовым в двух списках (F 305)³ и (F 255).⁴ В Собра-

¹ А. Д. Руднев. Заметки по монгольской литературе, II, Историческая летопись Болор-толи. Записки Вост. отд. Русск. археол. общ., т. XV, СПб., 1904, стр. 032—034.

² Ср. замечание Б. Я. Владимирцова: Надписи на скалах..., стр. 1275.

³ Там же, стр. 1275—1279.

⁴ Там же, стр. 1277.

нии монгольских рукописей имеется один из списков летописи „Эрдэни-ин эрихэ“, т. е. „Четки из драгоценностей“. Летопись начинается перечислением царей Индии и Тибета, после чего следуют истории юаньских императоров и монгольских ханов, а затем — маньчжурских императоров, доведенная до 20 года правления Туру-гэрэлту (кит. Дас-гуан 1840 г.). Подробное изложение содержания этого сочинения дано А. М. Позднеевым¹ в общем правильно. Данный список представляет собой рукопись, написанную очень мелким почерком, 67 лл., большого размера (26×26 см). Имеются еще выписки из этого сочинения: (F 286, 72 лл. и F 297, 92 лл.) и его оглавление (гл. I—XXXV) (B 224, 3 лл.).

Еще несколько позже, повидимому в последней четверти XIX в., было написано небольшое сочинение „Субуд эрихэ“, т. е. „Жемчужные четки“, автором которого является Гончог-джаб — тусалакчи ордосского хошуна Ушин. Сочинение составлено по традиционной схеме: история царей Индии (лл. 1а — 3а) и Тибета (лл. 3б — 5а), а затем — монгольских ханов (лл. 5а — 11а) в виде их родословной, причем о некоторых из них говорится более подробно, например о Чингис-хане, о Хубилае, о Лэгдэн-хане. Сведения о последнем восходят к „Болор толи“, как это было отмечено акад. Б. Я. Владимирцовым.² Далее очень кратко изложена история императоров маньчжурской династии. Последним из них назван Буринту-дзасагчи (кит. Тун-чжи, 1862—1874 гг.) (лл. 11а — 11б). В конце сочинения представлено происхождение князей ряда хошунов Внутренней Монголии (в числе их семи хошунов Ордоса), Халхи, а также некоторых ойратских племен и родов (лл. 11б — 13б). Это сочинение имеется в копии (D 90, 13 лл., разм. 21×27 см), снятой в Эджэн-хоро в Ордосе.

Кроме того, в Собрании монгольских рукописей есть несколько очень небольших по объему сочинений, в которых даны лишь перечисления имен монгольских ханов, причем иногда указываются главнейшие, относящиеся к ним, даты.

К таким сочинениям, например, относятся „Чингис-хаган-у домок“, т. е. „Повествование о Чингис-хане“. В нем перечислены имена индийских и тибетских царей, монгольских ханов и маньчжурских императоров и относящиеся к ним даты до 8 года правления Буринту-дзасагчи (1869 г.). Затем дан краткий очерк распространения буддизма у монголов от

¹ А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ, СПб., 1883, стр. XII—XV.

² Б. Я. Владимирцов. Надписи на скалах..., стр. 1280.

времен Чингис-хана (который, якобы, пригласил ламу Гунганинбо) до седьмого „перерожденца“ ургинского Джэбдзундамба-хутухты (1850—1868). Сочинение представляет собой бурятский ксилограф, изданный в 1869 г. (Н 198, 20 л., разм. 9×45 см). Подобный характер имеет сочинение „Богда Чингис-хаган-эцэ инакши найман хаган-у хуриянгуй тухэ“, т. е. „Краткая история восьми ханов, начиная с Чингис-хана“ (В 229, 8 л.) и др.

Истории ойратов в связи с историей монголов уделено много внимания в больших монгольских летописях XVII в. Сочинений, специально посвященных истории ойратов и написанных ойратскими авторами, имеется немного.

Здесь прежде всего следует назвать труд, известный в научном обиходе по имени его автора Габан Шэраба.¹ Дата его написания — 1737 г. В этом сочинении содержатся сведения по отдельным вопросам истории ойратов, расположенные без хронологической последовательности. Например, большое место занимают родословные торгутских, хошутских и дэрбэтских князей, что, по мнению В. Л. Котвича, составляет важнейшую часть труда Габан Шэраба.² Кроме того, заслуживают внимания сведения: о междоусобных войнах ойратских и монгольских князей; о съезде этих князей для утверждения свода законов и клятвы об установлении мирных отношений; о начале распространения буддизма среди ойратских князей; об их отношениях с Тибетом; об уделах, выделенных ими в наследство своим потомкам, и т. п. Далее автор дает характеристики некоторых ойратских князей и сообщает некоторые факты, относящиеся к ним. Подробные сведения об отношении ойратских князей к монгольским, о взаимоотношениях ойратских князей и другие данные делают труд Габан Шэраба наиболее ценным среди немногочисленных ойратских исторических сочинений. Некоторые факты из этого сочинения были использованы Б. Я. Владимирцовым.³

Полный список этого сочинения (Е 66) состоит из 8 л., разм. 23×36 см.

Текст другого списка (D 118) дословно совпадает с текстом первого, но является только его частью (соответствует лл. 1а — 6а, списка Е 66).

¹ В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Известия Российской Академии Наук, 1919, стр. 794.

² В. Л. Котвич, ук. соч., стр. 794.

³ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 150.

Другое сочинение (F 1) (отрывок без заглавия) принадлежит неизвестному автору. В нем имеются родословные дэрбэтских, торгутских и других князей (10 л., разм. 26×13 см).

История бурят-монголов представлена сочинениями ряда авторов. Эти авторы являлись бурятскими тайшами и зайсанами и потому в своих сочинениях уделяли большое внимание истории бурятского нойонства и ламства и оценивали события с точки зрения господствующей верхушки бурятского общества XIX в. Однако авторы не смогли скрыть многочисленных случаев злоупотреблений нойонов, покровительства им со стороны царской власти, угнетения народных масс и их тяжелого положения. Весьма ценными являются сведения о благотворном влиянии культуры русского народа на широкие слои бурятского населения, а также сообщения о переходе нескольких бурятских родов из Монголии в пределы России из-за невыносимого гнета со стороны монгольских феодалов XVII—XVIII вв.

Из исторических сочинений бурят-монгольских авторов прежде всего следует назвать труд В. Юмсунова, который изложил сведения по истории хоринских бурят наиболее полно и систематично (F 88, E 55, E 219). Необходимо также назвать сочинения Ш.-Н. Хобитуева (F 77, D 76 и несколько других списков), Т. Тобоева (C 366, F 6, F 87) и Д. Дарбаева (D 190, D 211). Сочинение по истории селенгинских бурят написано Д. Ломбоцыреновым (D 191, G 24).

В нашем Собрании есть еще и некоторые другие материалы по истории бурят-монголов, например доклад тайши Вамбоцыренова о землеустройстве хоринских бурят (E 222, 10 л., разм. 22×36 см), ряд документов о развитии земледелия среди бурят-монголов Иркутской губернии в 1812—1823 гг. (E 239, 50 л., 22×35 см.) и др.

В указанных исторических сочинениях даются подробные княжеские родословные, которые содержат ценные данные для изучения некоторых вопросов развития общественного строя монголов, например о дроблении уделов и т. п. Еще более полные сведения содержатся в особых родословных таблицах, составленных тщательно и наглядно.

Копия (D 93) родословной таблицы князей Сэцэн-хановского аймака выполнена в виде круга диаметром в 75 см, в центре которого кратко перечислены некоторые ханы от Чингиса до Даян-хана, а затем — родословные его одиннадцатого сына — Гэрэсэндэ и семи сыновей последнего. Их потомки указаны в секторах, на которые разделен круг.

Мелкие деления секторов отмечены цифрами, которые соответствуют номерам хошунов в русском переводе „Мэн-гу-ю-му-цзи“.¹

Другая родословная таблица князей того же аймака, составленная в 1915 г., изображена на круге из белой бязи диаметром в 5 м 40 см.

Родословные некоторых бурятских родов содержатся в летописях и в специальных сочинениях, например в „Истории рода Хатагин“ (D 29, 8 л., разм. 17×11 см). Имеются также родословные таблицы одиннадцати хоринских родов, составленные в 1831 г. (С 94, 23 л., разм. 35×21 см) и др.

Из биографических сочинений прежде всего следует назвать биографию Найджи-тойна (ксилограф, Н 281, 92 л., разм. 10×45 см, и его рукописные копии С 94, 94 л., разм. 9×40 см и F 17, 132 л., разм. 22×15 см).

В этом сочинении содержится много сведений по истории распространения буддизма среди монголов в конце XVI и первой половине XVII в.; кроме того, имеются интересные бытовые подробности о Южной Монголии, о Халхе и ойратских кочевьях, а также отдельные сведения о феодальных войнах, взаимоотношениях феодалов, их отношениях с Китаем и т. п. Ряд данных этого сочинения был использован Б. Я. Владимирцовым в „Общественном строе монголов“.²

Биография Зая-пандиты (F 86, 90 л., разм. 22×18 см) также содержит ценные сведения по тем же вопросам. Это отмечено Б. Я. Владимирцовым,³ который в большой мере пользовался ими.

К сочинениям этого рода принадлежит большой ксилограф (I 62, 311 л.), в первой части которого (лл. 16—163а) содержатся биографии „перерожденцев“ Джанджа-хутухты.

Среди биографий мифических „перерожденцев“ встречаются биографии и исторических лиц, например Пакба-ламы (1235—1280 гг.), о котором подробно сказано на лл. 316—42а. Историческими лицами были и те „перерожденцы“, которые появлялись в Китае. Первым из них был Джанджадамба-одзэр (лл. 936—976), вторым — Агван-лобсан-чойдан-балсанбо (1642—1714 гг.; лл. 976—124а), третьим — Джанджа-ролби-дорджэ-ешей-данби-донмэ-балсанбо (1717—1786 гг.), обычно известный под именем Ролби-дорджэ (лл. 124а—

¹ Мэн-гу-ю-му-цзи. Перев. П. С. Попова, СПб., 1895, стр. 80—161.

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 129, 137, 168, 171, 172, 175, 176, 179, 184, 185, 187.

³ Там же, указатель на стр. 212.

1636). Он был одним из редакторов перевода Данджура на монгольский язык. Приведенное перечисление вносит полную ясность в вопрос о последовательности „перерожденцев“ Джанджа-хутухт в Китае и является необходимым, ввиду историчности этих лиц. Обычно эта последовательность оставалась неотмеченной.¹

Кроме сведений о распространении буддизма в Китае и Монголии — о построении монастырей, переводах буддийских сочинений и т. п., в этой части сочинения сообщаются также сведения о восстании в области Куку-нор, „смутах“ Цэнгун-джаба в Халхе и другие. Они представляют несомненный исторический интерес.

Вторая часть сочинения (лл. 1646—311а) содержит сведения по истории Китая (до маньчжурского завоевания) и Монголии (до Тогон Тэмюра), и историю возвышения маньчжурской династии.²

Имеются сочинения, специально посвященные биографиям: II Джанджа-хутухты, имя которого в этом сочинении дано в санскритской форме — Вагиндра-сумати-дхарма-вади-шри-бхадра (С 106, 166 лл., разм. 12 × 40 см), а также III Джанджа-хутухты — Лалита-ваджра (соответствует Ролби-дорджэ) (Н 301, 208 лл., разм. 10 × 52 см).

Далее следует назвать „Лобсан-галсан-джамцо далай-лама-ин гэгэн-у ... намтар...“, т. е. „Жизнеописание [VII] далай-ламы Лобсан-галсан-джамцо [1707—1757], составленное [III] Джанджа-хутухтой Ролби-дорджэ в [1758—1759] гг.“. Этот большой ксилограф (Н 286, т. I, 346 лл.; т. II, 357 лл. + 5 лл., разм. 11 × 56 см)³ не содержит никаких сведений о монголах, что в литературе почему-то оставалось неотмеченным.⁴

Некоторые из этих биографий тесно связаны с историей распространения буддизма у монголов. Таким, например, является сочинение „Халха-монгол-ун орон-ду ангха бурхан-у шаджин эхэ олоксан очир ану ... джибдзун-дамба-ин гэгэн-тан-у намтар...“, т. е. „О том, как в стране халха-монголов получила начало буддийская вера ... жизнеописание Джэб-

¹ Б. Я. Владимирцов. Монгольский фонд. Азиатский музей, Краткая памятка, СПб., 1920, стр. 87; Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод под редакцией и с примечаниями Б. Я. Владимирцова, Л., 1927, стр. 17; Б. Я. Владимирцов. Монгольский Данджур. Доклады АН СССР, 1926, стр. 32 и др.

² Ср.: А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрхих, стр. XXXVI—XXXVII.

³ Б. Лауфер указывает только I том (ук. соч., стр. 64).

⁴ Там же.

дзун-дамба-хутухты...“ (F 292, ч. I—39 лл., F 293, ч. II—39 лл., разм. 26×26 см; ср. F 147, H 210 и др.).

История распространения ламаизма у бурят наиболее подробно изложена в сочинении без заглавия под сигнатурой E 225 (46 лл., разм. 35×22 см).

Ко всем этим сочинениям в полной мере следует отнести слова А. М. Позднеева, который об одном из таких произведений справедливо заметил: „Трактат о распространении желтой веры в Халхе заключает в себе сравнительно небольшое число фактов, относящихся до действительности, но зато щеголяет сбором легенд о чудесах, которые обычно рассказываются ламами как события, действительно сопровождавшие первоначальное распространение буддизма. То же обилие легенд замечается и в биографиях гэгэнов“.¹

Среди материалов Собрания монгольских рукописей большую ценность представляют сборники монгольских и монгольско-ойратских законов. Значение их как источников для исследования общественного строя монголов было отмечено Б. Я. Владимирцовым.²

Эти памятники, по определению того же автора, „являются настоящими сводами законов, выработавшимися в процессе долгой эволюции“, и „представляют степное феодальное право, получившее санкцию закона“.³ Один из этих кодексов — „Халха джирум“ имеется в Монгольском фонде в двух списках.

Один список (F 144, 122 стр. разм. 25×26 см) содержит семь отделов, составленных в год земли-быка [1709 г.] (стр. 1—96). В первом отделе помещены: вставка о духовенстве, относящаяся к году огня-тигра (1746 г.) (стр. 15—21) и дополнения, которые были сделаны: в году земли-собаки (1718 г.) — об оружии, о таврении верблюдов и лошадей, о военнообязанных (стр. 96—101); в году огня-дракона (1736) — относительно разных сторон жизни одного монастыря (стр. 114—122); без даты — о замене штрафом некоторых наказаний для женщин (стр. 122—123). Между добавлениями находится подробное оглавление (стр. 101—104).

Второй список (F 510) известен в научном обиходе под названием „Барун-хурэнского списка“, что отмечено на

¹ А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ, стр. XXXV.

² Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 19; ср.: В. Л. Котвич. Русские архивные документы по сношениям с ойратами в XVII и XVIII вв. Известия Российской Академии Наук, 1918, стр. 795.

³ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 22.

обложке рукописи. Этот список несколько больше по объему (132 стр., разм. 26 × 26 см, с большим количеством строк на странице), чем предыдущий. В тексте много ошибок и описок.

В списке имеются те же дополнения, что и в предыдущем, а кроме того, дан ряд дополнений с датами по годам правления маньчжурских императоров, например дополнения об ямской повинности, 61 года правления Энхэ-амугулан (Кан-си, 1722 г.) (стр. 17—18); о наказаниях за воровство, 11 года правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (Цянь-лун, 1746 г.) (стр. 47—48) и др. Последними помещены дополнения 35 года Тэнгри-ин-тэдхугсэн, т. е. 1770 г. (стр. 129—132). Некоторые другие добавления датированы по годам так называемого „животного цикла“, например: годом воды-тигра (1722 г.)—стр. 16; годом дерева-дракона (1724 г.)—стр. 121 и т. д.

Некоторые памятники монгольско-ойратского права были изданы К. Ф. Голстунским¹ по списку, которого в Собрании монгольских рукописей не имеется. У нас хранится другой список — Батур-убаши Тюменя (Е 83). Содержание его изложено К. Ф. Голстунским² не полностью: не отмечено, что подробное оглавление³ предпослано не только законам 1640 г. и дополнительным указам Галдан-хун-тайджи (Е 83, стр. 1—26, оглавление 9 страниц), но и законам Дондук-даши (там же, стр. 27—45, оглавление 7 страниц). Кроме того, в этой рукописи содержится ойратский перевод указа Анны Иоанновны от 7 марта 1735 г. об утверждении Дондук-омбо „главным управителем калмыцкого народа“ и русский текст этого указа.

Сводом законов, изданных китайским правительством для монгольских племен, и постановлений по монгольским делам является Уложение Палаты внешних сношений, впервые изданное в 1789 г.⁴

В Собрании монгольских рукописей имеются второе (1817 г.) (F 228a) и третье (1826 г.) издания этого памятника (F 2286).

Различные сведения, относящиеся не только к политической истории монголов, но и к истории развития их общественного строя, могут быть почерпнуты из „Илэдхэл шастир“ — сборника очень подробных биографий, точнее

¹ Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-Хун-Тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880.

² Там же, стр. 5.

³ Там же.

⁴ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 20.

говоря, послужных списков монгольских, ойратских и туркестанских князей. Полные тексты документов и точные даты, которые приводятся в этом сборнике, делают его весьма ценным источником.

Экземпляр, который имеется в Собрании монгольских рукописей (G 42), содержит основной текст (120 бәней в 6 тао). Дата его издания не указана, но приведен указ 44 года правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (Цянь-лун, 1779 г.) о составлении этого сборника. Впоследствии к нему были сделаны добавления, которых в нашем Собрании нет.

Несомненный интерес представляют также хошунные постановления („дурим“). В собрании имеются копии „дуримов“ ордосских хошунов — Ушин (F 199, 12 л., разм. 27×27 см) и Хангин (F 200, 14 л., разм. 27×27 см).

Необходимо также указать на своды законов и сборники обычного права калмыков и бурят. Таковы, например, законы, изданные при Дондук-даши. Текст и перевод их были изданы К. Ф. Голстунским.¹

Один список их содержится в рукописи нашего Собрания (Е 83, стр. 27—45; см. выше, стр. 117). Перед текстом имеется подробное оглавление (7 страниц). В другой рукописи (С 250, 15 л., разм. 10×35 см) помещены не только эти законы (лл. 1а—9а), но и более поздние добавления с указанием даты, например года дерева-свиньи (1815 г.) (л. 11а), земли-тигра (1818 г.) (л. 11б) и др. Последнее дополнение относится к году железа-змеи (1821 г.) (л. 15а). Об этом списке упоминает К. Ф. Голстунский.²

Бурятских Уложений в Собрании монгольских рукописей имеется несколько: 1) Уложение одиннадцати хоринских родов 1808 г. и указатель к нему (G 80); 2) Хоринское Уложение 1823 г. (Е 214); 3) Уложение селенгинских и хоринских бурят 1841 г. (Е 240); 4) Хоринское Уложение 1851 г. (Е 241); 5) Селенгинское Уложение 1823 г. (G 23); 6) Уложение восемнадцати селенгинских родов 1823 г. и постановление о раскладке податей (G 82); 7) „Устав об управлении сибирских инородцев“, 1822 г. (D 227). Особо следует отметить „Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири“ 1841 г., который состоит из 445 л., разм. 22×18 см.³

¹ К. Ф. Голстунский, ук. соч., стр. 23—33 (текст) и 60—72 (перевод).

² Там же, стр. 16.

³ Б. Я. Владимирцовым (Общественный строй монголов, стр. 26) указана литература, относящаяся к этому памятнику, и отмечено, что „Свод этот законодательного утверждения не получил“.

В связи со всеми этими материалами следует упомянуть о бурятских списках „Положения о ламах 1853 г.“ (D 205, D 219)¹ и некоторых других материалах по этому вопросу (например „Проект нового Положения о ламах 1905 г.“ (E 40) и другие (D 199, E 38 и др.).

Сюда относятся различные материалы о некоторых дацанах — их уставы; списки лам, хувараков (послушников) и т. д.; сведения об имуществе, составе библиотек, системах преподавания и т. п. (E 179, E 182, E 183, E 184, E 234, D 183, G 3 и др.); имеется собрание архивных материалов различного содержания (D 217).

Кроме указанных выше Уложений и сборников обычного права (см. выше, стр. 116—118) в Собрании монгольских рукописей имеется большое число сборников „отпусков“ (копий) официальных переписок и отдельных бумаг по самым различным судебным и административным вопросам и делам (F 208, F 244, F 310, F 403, F 404 и ряд других); некоторые из них довольно значительны по объему, например сборник по Сэцэн-хановскому аймаку (F 523) содержит 264 л., разм. 27 × 24 см. Имеется также много отдельных официальных бумаг такого же содержания (E 105, E 107, E 97, F 399 и др.). Документы F 375—381, а также A 35, F 396 и другие являются распоряжениями по отбыванию ямской повинности.

Еще больший интерес представляют немногочисленные документы о пограничных делах России и Китая первой половины XVIII в. Среди них можно указать на несколько писем, адресованных И. Д. Бухольцу — коменданту Чикойского острога (в монгольском тексте — „Цуху-байшин“). В одном письме (E 125) чиновник Палаты внешних сношений Ношан просит не задерживать послов, приехавших в Кяхту, и скорее выслать подводы для проезда в Чикойский острог. В этом документе речь, по всей вероятности, идет об обстоятельствах, упомянутых Н. Н. Бантыш-Каменским в сообщении „Подарки китайцев россиянам на 100 тысяч“: „Мунгальского Приказа советник Ношан, привезший на Кяхту сии подарки, извещая об оных селенгинского коменданта Бухольца, требовал под оные подвод“.²

В другом документе Палаты внешних сношений сообщается о мерах, принятых в связи с нападением на торговый

¹ Русский текст см.: В. В а ш к е в и ч. Ламаиты в Восточной Сибири. СПб., 1885, стр. 127—137.

² Н. Б а н т ы ш - К а м е н с к и й. Дипломатическое собрание дел между Российским и Китайским государствами с 1619 по 1792 год. Казань, 1882, стр. 189.

караван Л. Ланга¹ (Е 144). О караване Ланга упоминается еще в одном документе (F 369).

В письмах халхаского Сэцэн-хана (Е 142, Е 178 и D 155) предъявляются требования о выдаче перебежчиков.² В одном из писем халхаского тушету-хана Ванджил-Дорджи³ говорится о порядке пересылки почты из Палаты внешних сношений русскому Сенату (F 382); в других (D 153, D 154, F 370) — о получении различных пакетов и об отправке их дальше. Письма селенгинскому бригадиру Якобию (F 371, F 372) касаются отдельных пограничных вопросов. Большой интерес представляет монгольский перевод охранной грамоты купцу Спиридону Ливаковскому, датированный 7205 г., т. е. 1697 годом (D 178, 1 л., разм. 55 × 44 см).

Среди частной переписки наиболее ценным является довольно значительное собрание писем, адресованных О. М. Ковалевскому (F 416—F 505). Из документов конца XIX в. очень интересны письма нескольких князей Внутренней и Внешней Монголии по вопросам уплаты полученных ими займы денег и о новых займах (Е 126, Е 127, Е 128, D 157, D 159, D 160, D 161 и др.).

Материалы по XX веку представлены в Собрании монгольских рукописей только единичными документами. Таковы: копия предложения халхаских князей ургинскому сайду Санда-вану вернуться в Китай, ввиду создания особого монгольского государства и возведения на престол Джэб-дзун-дамба-хутухты (Е 163); письмо дэрбэтских князей китайским властям о намерении сохранить единство с Китаем, несмотря на образование монгольского государства (F 263); письмо Палта-вана командующему войсками в Западной Монголии Джалхандза-хутухте с предложением не вести военных действий (F 412). Этими и еще одним-двумя документами ограничиваются материалы Собрания монгольских рукописей по национально-освободительной борьбе 1911—1912 гг.

К сожалению, имеющиеся в нашем Собрании материалы по революционной борьбе 1918—1920 гг. в Бурят-Монголии незначительны и разрознены. Они касаются, главным образом, вопроса о мобилизации в Хоринском аймаке (отношение Хоринской аймачной думы Хальбинской хошунной управе по

¹ Н. Бантыш-Каменский, ук. соч., стр. 198.

² Там же, стр. 167—168, 215—216.

³ О нем см.: М. Н. Богданов. Очерки истории бурят-монгольского народа. Верхнеудинск, 1926, стр. 214.

делам мобилизации; запрещение выдавать паспорта лицам в возрасте 21—24 лет и т. п. (Е 223/37—45).

Некоторым источником сведений о социальном строе монголов XIV—XVII вв., по замечанию Б. Я. Владимирцова, являются „произведения народной словесности вообще, особенно монгольский героический эпос“, причем „наибольшее значение имеет «Сказание об Убаши-хун-тайджи»“.¹ В Собрании имеется его ойратский текст (D 67, 8 л., без заглавия).

Из произведений монголо-ойратского героического эпоса, изданных и переведенных Б. Я. Владимирцовым, у нас имеются „Бум-Эрдэни“² (F 61, 160 л.) и „Дайни-Кюрюль“³ (D 92, 4 тетради, всего 246 л.).

К эпическим сказаниям следует отнести также „Повесть о двух скакунах Чингис-хана“, представленную в нескольких списках: один (B 221) происходит из Ордоса, другой (C 497) из Халхи, еще некоторые (S 413, C 497), судя по орфографии и почерку, являются бурятскими списками.

К такого рода произведениям относится также „Повесть о Хане Харангуй“, „оказавшаяся письменной переработкой (едва ли простым переложением) одноименной, вероятно устной, героической эпопеи...“, как ее определил Г. Д. Санжеев“.⁴ По его мнению, „повесть «Хан Харангуй»... не является простой записью народной (устной) эпопеи, это — подражание устной эпической поэме, эпическая повесть в стихах“.⁵ Несомненно, что этот памятник представляет значительный интерес и является большой редкостью. Однако мнение Г. Д. Санжеева о том, что „Хан Харангуй — единственный дошедший до нас образчик писанного оригинально-художественного произведения на протяжении семи веков (от начала XIII в. до 1921 г....)“⁶ несомненно является преувеличением. Прежде всего необходимо указать на то, что „Повесть о Хане Харангуй“ была известна и в Западной Монголии, о чем свидетельствует ее ойратский список (G 35),

¹ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 22; В. Л. Котвич, ук. соч., стр. 795.

² Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. М.—Л., 1923, стр. 55—102.

³ Там же, стр. 103—190.

⁴ Г. Д. Санжеев. Монгольская повесть о Хане Харангуй. Труды Института востоковедения, XXII, М.—Л., 1937, стр. 6.

⁵ Там же, стр. 7.

⁶ Там же; выше (стр. 6) Г. Д. Санжеев говорит о разных видах монгольской художественной словесности.

имеющийся в III коллекции Б. Я. Владимирцова. Выше (стр. 121) были названы еще некоторые образцы „эпических сказаний, сделавшихся достоянием монгольской письменности“, по удачному выражению Б. Я. Владимирцова.¹ Повидимому, они остались не известными Г. Д. Санжееву.

Наиболее значительным произведением монгольского героического эпоса является „Сказание о Гэсэре“. Его ксилографическое издание появилось в Пекине в 1716 г. Текст и перевод его изданы еще И. Я. Шмидтом.² Во введении к новому переводу С. А. Козин определил это произведение „как аллегорическую поэму-сатиру, с острием сатиры, обращенным в сторону господствующих классов — духовных и светских феодалов, современных памятнику“.³ Эта пекинская версия эпоса Гэсэр имеется в Собрании монгольских рукописей в виде ксилографа I 83 в двух экземплярах, а также дублетов (I 61, I 20). Кроме того, имеется ряд рукописей, которые содержат по несколько глав этого сочинения. Например I 52 (гл. I—VIII, 155 л.), I 86 (гл. I—IX, 194 л.) и др., причем гл. I—VII являются копиями пекинского ксилографа. Некоторые рукописи содержат только отдельные главы, например гл. I: I 2 (ойрат., 40 л.), С 9 (ойрат., 36 л.); гл. II: F 142 (монг., 5 л.); гл. V: F 120 (монг., 76 л.); сочинение под названием „История Лубсага“, по содержанию очень близко к гл. VI Гэсэра: С 296 (монг., 27 л.) и С 441 (монг., 39 л.); гл. VIII: Н 114 (ойрат., 30 л.), гл. IX: D 49 (ойрат., 13 л.), I 7 (монг., 26 л.); гл. VIII и IX: С 174 (ойрат., 24 л.), D 33 (ойрат., 13 л.), I 19 (монг., 25 л.).

В качестве продолжения пекинской версии обычно называют главы VIII—XV рукописи F 306 (VIII—19 л., IX—29 л., X—67 л., XII—68 л., XIII—109 л., XV—26 л.; гл. XI и XIV отсутствуют). Необходимо, однако, отметить, что эти главы, известные у монголоведов под названием „южно-монгольской версии“, в очень сильной степени проникнуты буддийскими воззрениями и по своей идеологической направленности резко отличаются от первых семи глав, т. е. от пекинской версии. Выяснение причин этого является очередной задачей литературоведов.

Большой интерес представляет рукопись Собрания монгольских рукописей (F 312) (I т. 542 л., II т. 430 л.),

¹ Общественный строй монголов, стр. 22.

² I. J. Schmidt. Die Thaten Bogda Gesser Chan's... St.-Petersburg, 1839.

³ С. А. Козин. Гесериада. М.—Л., 1935, стр. 34.

озаглавленная „Дзамлин Сэнчин-у намтар“, т. е. „Жизнеописание Дзамлин Сэнчина“. Она является монгольской версией (возможно, монгольским переводом) тибетского „Лин Гэсэра“.

Следует заметить, что за все время собирания материалов по эпосу „Гэсэр“ и изучения их внимание монголоведов не привлекали некоторые рукописи, имеющие непосредственное отношение к этому эпосу, хотя они находились не только в одной из старых коллекций (в I коллекции — И. Иерига), но и в коллекциях недавнего времени (III Коллекции Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии и III коллекции Б. Я. Владимирцова).

В сочинениях содержатся описания различных религиозных обрядов, в которых вместе с буддийскими и шаманскими божествами упоминается и Гэсэр.¹ Эти сочинения представляют несомненный интерес как попытки со стороны ламства использовать в своих целях образ Гэсэра, который пользовался большой популярностью среди народных масс в феодальной Монголии.

Кроме героических эпопей, для изучения общественного строя монголов, по замечанию Б. Я. Владимирцова, наибольшее значение из произведений народной словесности имеют пословицы и поговорки.² В Собрании монгольских рукописей имеются только единичные образцы этого жанра народного творчества — рукописи: Е 42 (16 л.) и В 246 (1 л.). Небольшое число пословиц наряду с загадками содержится в рукописи D 136 (4 л.). Рукописей, содержащих записи загадок, тоже очень немного. Кроме упомянутой выше можно назвать еще следующие: D 40 (11 л.), F 269 (6 л.), В 139 (4 л.), F 532 (2 л.) и F 536 (24 л.). Значительно более богаты материалы по песенному творчеству. Здесь имеются не только записи отдельных песен (D 126, D 31, Е 86 и ряд других), но и сборники песен монгольских (F 260), бурятских (С 358) и ойратских (D 39, D 6, D 45 и др.). Среди них — подлинники записей А. М. Позднеева — Е 56³ и Е 4. Число стихо-

¹ Например монгольские сочинения „Гэсэр-ун убсан“, т. е. „Восхождение Гэсэру“ (В 82, 6 л., разм. 6 × 18 см), „Гэсэр хаган-у мактагал“, т. е. „Славословие Гэсэр-хану“ (С 404, 8 л., разм. 8 × 26 см); бурят-монгольские (А 46, 1 л. и др.) и ойратские (В 188, В 211 и др.).

² Образцы народной литературы монгольских племен, вып. I, Народные песни монголов, СПб., 1880, стр. 191—192, 202—203.

³ Текст и перевод изданы в „Записках Восточн. отдел. Русск. археол. общ.“, т. III (1889), стр. 307—364; т. IV (1890), стр. 321—374; т. VI (1892), стр. 1—17; т. VII (1893), стр. 1—38.

творных произведений также довольно значительно. Большинство их дидактического буддийского содержания (С 458, F 159, В 39, С 200 и ряд других).

Из произведений монгольской художественной литературы, которая в феодальной Монголии, как уже неоднократно указывалось, была заимствующей, можно указать на известные сборники рассказов „Арджи Бурджи“ (С 524, С 11, С 152 и др.), „Бигермиджид“ (F 154, F 184), „Гэснэ-хан“ (Н 123, I 53) и „Шиддиту-хур“ (I 3, F 214, С 82).

Следует также упомянуть о сборниках „Улигэр-ун далай“, т. е. „Море притч“ (К 5, К 12, I 98 и др.) — монгольской версии тибетского „Дзан-луна“, и также „Улигэр-ун ном“, т. е. „Книга притч“. Особенно значительное количество буддийских сочинений было издано при императоре Кан-си, который проявил весьма обширную и разнообразную деятельность в этой области, о чем подробно сообщает А. М. Позднеев.¹

Ряд буддийских сочинений, изданных при Кан-си, имеется в Собрании монгольских рукописей во многих экземплярах. Например „Алтан гэрэл“ — сутра „Золотой блеск“ (I 65, I 66 и др.); „Цаган линхоа“ — сутра „Белый лотос“ (I 78 и др.); „Мани гамбум“ (Е 1, Е 31) и др.

Хотя буддийская литература занимает значительное место в Собрании монгольских рукописей, однако в нем представлены и другие памятники культуры феодальной Монголии, например медицинские сочинения. Наиболее значительные из них являются переводами с тибетского, например: основной трактат тибетской медицины, известный под сокращенным заглавием „Джуд-ши“² (Н 329, Н 289 и др. — ксилографы), а также несколько рукописей (Н 377, Н 378 и др.), являющихся копиями отдельных частей сочинения или же выписками из них. Имеется также практический лечебник „Лхантаб“.³ Кроме нескольких ксилографов (Н 287, Н 288; Н 332 — бурятское издание) можно указать на некоторые копии и выписки, например F 75, Е 234 и др.

Можно назвать еще небольшие сочинения на ту же тему: „Эльдэб чихула хэрэгтү“, т. е. „Разное существенно необходимое“ (D 15, 42 лл.); медицинский справочник (D 137,

¹ А. М. Позднеев. Монгольская летопись Эрдэнийн Эрихэ, стр. 293—304.

² Е. А. Обермиллер. Пути изучения тибетской медицины. Библиография Востока, вып. 8—9, М.—Л., 1936, стр. 48—60. Там же указана литература.

³ Там же, стр. 58.

65 л.), который содержит названия различных лекарственных веществ с указанием случаев их употребления; список лекарств и указатель болезней, которые они излечивают (С 526, 66 л.); сочинение о кровопускании (Е 81, 8 л.) и т. п.

По ветеринарии есть только единичные сочинения, например о вывихах и переломах у домашних животных (D 20, 12 л.), о признаках хорошего коня (В 177, 6 л. и F 262, 20 л.).

Сочинения по астрономии, как уже было указано,¹ являются переводами с китайского и тибетского. Одно из них (G 163,¹ ксилограф, 2 тао (обложки) по 15 бэней (тетрадей)) имеется в Собрании монгольских рукописей. Календарей, в которых сообщаются сведения по астрономии, а также по астрологии, имеется несколько. Например: календарь на 47-й год правления Тэнгри-ин-тэдхугсэн (кит. Цяньлун, т. е. 1782 г.; G 44), на 29-й год правления Бадарагултуру (кит. Гуан-суй, 1903 г.; С 427).

Следует указать на ряд небольших сочинений, известных у монголов и бурят-монголов под тибетским названием „литэ“. Это календари, в которых, кроме сведений о месяцах и числах, содержатся данные о явлениях природы (замерзание рек и т. д.) и животного мира (прилет и отлет птиц и т. п.) по месяцам и числам. Большинство таких книжек поступило в наше Собрание из Бурят-Монголии (В 225, В 138, D 188 и др.).

Есть много сборников примет и указателей „счастливых“ и „несчастливых“ дней и т. п. (С 66, 12 л., В 162, 25 л., С 401, 9 л. и много других).

Весьма значительно число книжек для гаданий (С 96, С 397 и др.), предсказаний (В 83, С 175 и др.), заклинаний (С 293, С 156 и др.).

К этнографическим материалам относятся описания, которые вместе с тем являются наставлениями для совершения обрядов: возлияния кобыльего молока (С 328, D 36, С 334); омовения (С 385, В 15), обряда „далалга“ („приманивания“ счастья и благополучия) и т. п. Меньшее число их является чисто шаманскими, во многих же в сильной степени заметно влияние ламаизма, который воспринимал и использовал в своих интересах шаманские божества, верования, обряды и т. п. То же самое мы наблюдаем и в ряде небольших сочинений, посвященных культам: тэнгриев (В 175, В 206,

¹ Б. Лауфер. Очерк монгольской литературы. Перевод под ред. Б. Я. Владимирцова, Л., 1927, стр. 88—89.

С 148 и др.), огня (С 147, С 321 и др.), „Белого старца“ (В 149, С 117 и др.) и некоторым другим.

Описаний путешествий в Собрании монгольских рукописей немного. Таковы, например, очень краткие очерки путешествий по Тибету и Непалу Лудуб Андагаева (D 71) и его вариант (D 199); Лубсан Мижода (F 92, D 75, D 204), Д. Д. Заяева (G 34).

Грамматические сочинения представлены не только сочинением Джирухэн-у толта (ксилографы Н 19, Н 195 и др.; копии с них — С 379, Е 30 и др.), но и некоторыми менее известными сочинениями, такими, как „Хэлэн-у чимэг“, т. е. „Украшение речи“ (Н 120 — ксилограф, F 52 — рукопись), грамматикой (без заглавия) дзахиракчи-дзанги Ахамасуруна (G 74, 31 л.). Все они содержат, главным образом, традиционные сведения об „изобретении“ монгольской письменности Сакья-пандитой, об „усовершенствовании“ ее Чойджи-одээрм и т. п., а также очерк монгольской фонетики.

Из словарей следует назвать „Монгол усуг-ун хурияксан бичик“ — монгольско-китайско-маньчжурский словарь (G 78; 1 тао содержит 5 бэней, один из них — введение, II—IV тао по 4 бэни); тибетско-монгольский словарь, известный под сокращенным названием „Догбар лава“ (G 39) и др.

Ряд сочинений и материалов Собрания монгольских рукописей был использован в монголоведной литературе в различной степени, иногда еще совершенно недостаточно. Некоторые же весьма ценные памятники остаются неизученными, например: „Алтан хурдун минган хэгэсуту“, отдельные материалы по истории бурят-монголов и другие.

Кроме перечисленных рукописей и ксилографов в Монгольском фонде имеются еще материалы, представляющие особенно большую ценность для изучения монгольского языка и письменности. Это прежде всего фрагменты монгольских рукописей XIII—XIV вв. из Хара-Хото, привезенные П. К. Козловым. Краткое предварительное описание их было дано В. А. Котвичем.¹ Они еще ожидают своего исследователя. Необходимо также назвать грамоту тумэтского Алтан-хана 1580 г., описание и исследование которой дал А. М. Позднеев.²

Подводя некоторый итог всему сказанному выше, необходимо признать, что Собрание монгольских рукописей состоит

¹ П. К. Козлов. Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. ОГИЗ — Географгиз, 1947, стр. 302—304.

² А. М. Позднеев. Новооткрытый памятник монгольской письменности эпохи династии Мин. Восточные заметки, СПб., 1895, стр. 367—386.

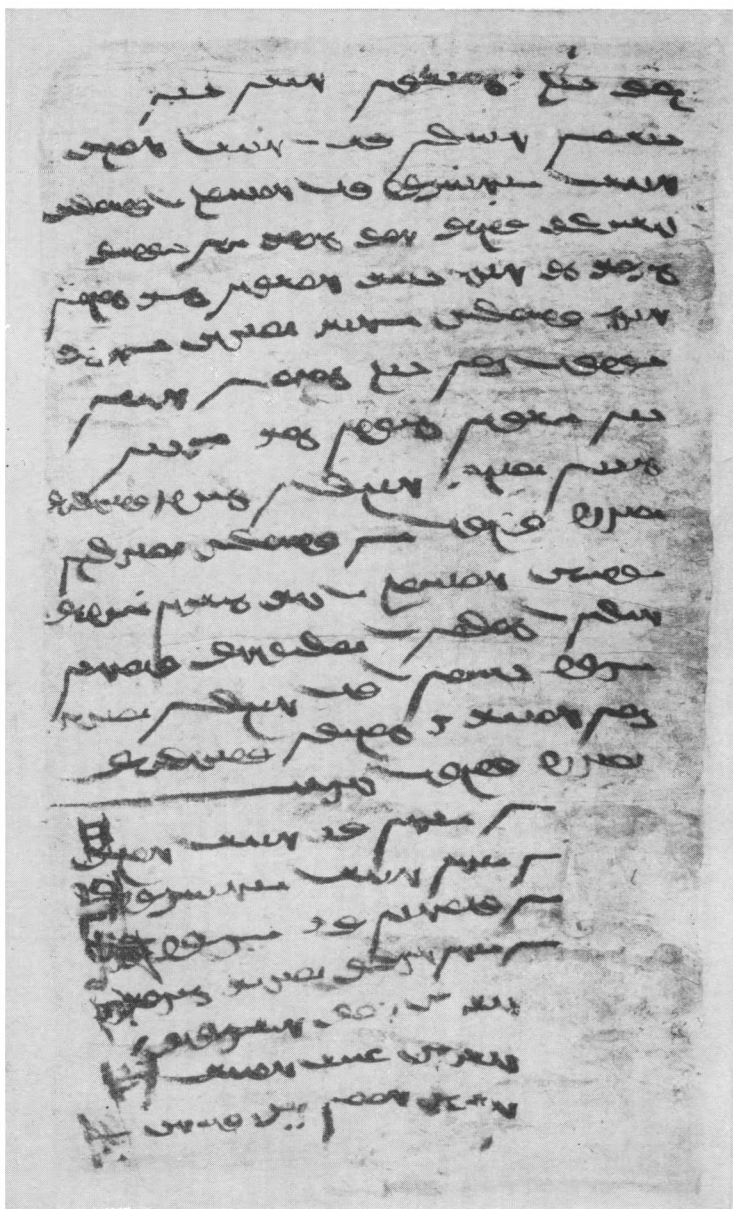

Рис. 2. Рукопись XIII—XIV вв. из Хара-Хото. Расписка в получении пшеницы с обязательством вернуть ее в указанный срок.
(Колл. П. К. Козлова, фрагмент № 1).

из большого числа рукописей и ксилографов, которые относятся к самым различным областям истории монголов и их культуры. Поэтому трудно согласиться с мнением акад. Б. Я. Владимирцова о том, что „главная ценность и научное значение собрания монгольских и ойратских рукописей и ксилографов Азиатского музея в том, что оно выясняет и характеризует монгольскую письменность вообще, за все время ее существования“.¹ Знакомясь с содержанием Собрания монгольских рукописей, можно видеть, что его значение не ограничивается только этой стороной. Собрание самых разнообразных сочинений имеет большое значение для изучения истории монгольского народа и его культуры.

¹ Б. Я. Владимирцов. Монгольский фонд, стр. 77—78.